

Серия: «Выйти замуж за миллиардера»
Вечное счастье

Лёд и пламя

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВА

Екатерина Романова

Лёд и пламя

«Автор»

2026

Романова Е.

Лёд и пламя / Е. Романова — «Автор», 2026

Холодный и расчётливый бизнесмен, привыкший контролировать каждый аспект своей жизни, вынужден работать с импульсивной, свободолюбивой художницей над элитным проектом. Её яркая энергия и нестандартный взгляд на мир вызывают у него раздражение, а у неё — восхищение и любопытство. Их столкновение характеров превращается в настоящую игру — ссор, споров и искрящегося флирта. Постепенно между «льдом» и «пламенем» появляется притяжение, которое ни один из них не может игнорировать, и проект становится лишь поводом узнать друг друга глубже

© Романова Е., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Романова

Лёд и пламя

Глава 1. Новый проект

Город был серым, как отполированный металл.

Верхние этажи бизнес-центра отражали облака, будто пытались удержать небо в стекле. Внутри — тишина, стерильная и выверенная до миллиметра. Здесь не было ничего случайного: ни линий на стенах, ни пауз в расписании, ни эмоций в голосах.

В кабинете на тридцать втором этаже стоял мужчина.

Артём Воронов не любил хаос. Он его исключал.

Ровные папки на столе. Ровный свет. Ровное дыхание.

Он смотрел на проектный файл на экране — и уже мысленно разбирал его на части: бюджет, сроки, риски, выгода.

Дверь открылась без стука.

— Артём Сергеевич, у нас изменение по проекту «Aurum Residence», — осторожно сказала ассистентка.

Он не поднял взгляд.

— Я не просил изменений.

— Это от заказчика. Они настояли на подключении арт-концепта. Главный архитектор... — она запнулась, — и художник.

Пауза.

Едва заметная.

Артём медленно поднял глаза.

— Художник, — повторил он так, будто пробовал слово на вкус. И оно ему не понравилось. — Какой именно функционал у этого... художника?

— Концепция интерьеров, арт-инсталляции, визуальная идентичность пространства.

— Это не функция. Это шум.

Он закрыл файл.

— Отмените.

— Я пыталась. Заказчик сказал, что без неё проект не утверждается.

Он встал.

Высокий, собранный, без лишних движений. Люди рядом с ним всегда чувствовали себя так, будто их проверяют.

— Тогда пусть приходит, — сказал он холодно. — Посмотрим, насколько долго держится «творчество», когда есть дедлайны.

Она опоздала на семнадцать минут.

И вошла так, будто опоздание — это не ошибка, а выбор.

Лица Морозова оглядела кабинет, словно это тоже была часть выставки.

— У вас тут... стерильно, — сказала она вместо приветствия.

Артём даже не встал.

— У вас тут — опоздание.

— Я застряла в лифте вдохновения, — спокойно ответила она и бросила папку на стол.

Папка ударилась о стекло чуть громче, чем ему хотелось.

Он посмотрел на неё наконец.

Яркая. Слишком живая для этого пространства.

Волосы не уложены. Взгляд — прямой, без уважения к границам. Одежда не «дорогая», а «свободная».

— Вы — художник? — спросил он.

— А вы — человек, который не умеет дышать без плана? — парировала она.

Тишина стала плотнее.

Ассистентка у двери тихо отступила.

Артём открыл папку, даже не реагируя на её тон.

— Мне сказали, вы должны «создать атмосферу».

— О, нет, — Лика усмехнулась. — Я не создаю атмосферу. Я её ломаю, если она фальшивая.

Он поднял взгляд.

— Здесь ничего не нужно ломать.

— Тогда зачем я вам?

Хороший вопрос. Он не любил хорошие вопросы, если на них нельзя ответить цифрами.

— Вы — часть требований заказчика, — сухо сказал он. — Не более.

Лика подошла ближе к столу, заглянула в экран.

— Скучно.

— Это бизнес.

— Это клетка.

Он резко закрыл ноутбук.

— Вы здесь не для оценок.

— А для чего? — она наклонила голову. — Для послушания?

В его голосе появилась сталь:

— Для результата.

Она улыбнулась.

И это раздражало больше всего.

— Тогда у нас проблема, — сказала она легко. — Я не делаю «результаты». Я делаю впечатления.

— Впечатления не продаются.

— Продаются. Просто вы не умеете их упаковывать.

Он сделал шаг к ней.

Не угрожающий — контролирующий пространство.

— Вы будете работать по техническому заданию.

— А если оно скучное?

— Вы адаптируетесь.

Лика рассмеялась тихо.

— Вы всегда так говорите людям?

— Люди либо адаптируются, либо уходят.

Она смотрела на него пару секунд слишком внимательно.

— Интересно, — сказала она наконец. — А вы сами когда последний раз уходили из собственной системы?

Он не ответил.

Потому что ответ был бы слабостью.

Встреча длилась ещё сорок минут.

Он объяснял структуру проекта, бюджет, требования заказчика, ограничения.

Она слушала... но не так, как слушают подчинённые.

Она смотрела на пространство между словами.

— Здесь нужен свет, который дышит, — сказала она вдруг.

— Свет не дышит.

— Ваш — нет.

Он устало выдохнул.

— Это элитный жилой комплекс, не художественная галерея.

— Именно поэтому он будет пустым.

Пауза.

— Обоснуйте, — холодно сказал он.

Она наклонилась над чертежами.

— Люди покупают не стены. Они покупают ощущение, что их жизнь не такая же, как у всех. А у вас — идеально одинаковые коробки с дорогими материалами.

Он чуть прищурился.

— Вы считаете себя экспертом в бизнесе?

— Нет, — спокойно ответила она. — Я эксперт в том, что люди чувствуют, когда перестают притворяться.

Эти слова зацепили.

Не логикой.

Чем-то лишним. Непросчитанным.

Он отодвинул папку.

— Посмотрим, насколько ваши «чувства» переживут реальность сроков и бюджета.

Лика взяла свою сумку.

— А вы посмотрим, — сказала она уже у двери, — насколько ваша реальность переживёт меня.

И ушла.

В кабинете снова стало тихо.

Но теперь это была другая тишина.

Не стерильная.

А напряжённая.

Артём смотрел на закрытую дверь несколько секунд дольше, чем планировал.

— Проблема, — произнёс он ровно.

И впервые за день не был уверен, о чём именно говорит.

Глава 2. Непредвиденный партнёр

Утро началось с уведомления, которое не должно было существовать.

Артём Воронов не любил сюрпризы.

Сюрпризы — это ошибки в системе. А ошибки в системе стоили денег.

Он открыл письмо, не спеша, как всегда. Прочитал один раз. Затем второй.

«В рамках проекта Augum Residence к работе официально подключается арт-директор визуальной концепции — Лика Морозова.»

Он не моргнул.

Но пальцы на секунду замерли над клавиатурой.

— Отмените, — сказал он в динамик.

— Уже утверждено заказчиком, — ответил голос юриста по внутренней связи.

— Я не утверждал.

— Вы не должны были утверждать. Это условие финального инвестора.

Пауза.

Очень короткая.

Но в ней уже что-то изменилось.

— Кто инвестор? — спросил он ровно.
— Консорциум «Helios Capital».
Он медленно откинулся в кресле.
Это означало одно: спорить нельзя.
И это ему не нравилось больше, чем сам факт художницы в проекте.

Через два часа у него уже лежало полное досье.
Фотография.
Образование.
Выставки.
Интервью, в которых она говорила вещи вроде: *«архитектура должна чувствовать, а не подчиняться»*.

Он прочитал это дважды.
— Она непрактична, — сказал он наконец.
— Она востребована, — осторожно заметила ассистентка.
— Это не одно и то же.
Он закрыл файл.
Имя на экране раздражало больше, чем должно было.
Лица Морозова.
Слишком яркое для корпоративной таблицы.
Слишком живое для его проекта.

В переговорной уже ждали.
Совет директоров. Архитекторы. Финансовый блок.
И, конечно, заказчик.
— Артём Сергеевич, — начал один из инвесторов, пожилой мужчина с мягким голосом,
— мы приняли решение усилить проект эмоциональной составляющей.
Артём даже не сел.
— Эмоции не являются частью инвестиционной модели.
— В данном случае являются, — спокойно ответил ему. — Рынок премиальной недвижимости изменился. Люди покупают не метры. Они покупают опыт.
Он слегка наклонил голову.
— Опыт не должен противоречить эффективности.
— Он и не будет. Мы добавили специалиста.
Он уже знал ответ.
Но всё равно спросил:
— Какого?
— Арт-директор. Художник.
Пауза.
Кто-то в комнате чуть кашлянул.
Артём медленно перевёл взгляд на проектную схему.
— Это архитектурный проект, — сказал он тихо. — Не галерея.
— Это инвестиционный проект, — поправили его. — А значит, он должен продаваться.
Он усмехнулся без радости.
— И вы решили добавить хаоса.
— Мы решили добавить уникальность.
Он посмотрел прямо на них.

— Хаос и уникальность — не одно и то же.

Дверь открылась без стука.

Он даже не обернулся сразу.

Шаги были лёгкие. Слишком уверенные для человека, который входит в комнату совета директоров.

— Извините за опоздание, — сказала она спокойно, и в голосе не было ни капли сожаления.

Он повернулся.

И впервые за утро почувствовал, что пространство стало... менее предсказуемым.

Лица Морозова стояла в дверях, будто это не переговорная элитного уровня, а её собственная мастерская.

На ней была та же свобода, которая раздражала его ещё на первой встрече.

— Это она? — спросил он у инвестора, не отводя взгляда.

— Да, — ответили ему.

Лица прошла внутрь, даже не глядя на совет директоров.

— Привет, — сказала она легко. — Вы, видимо, тот самый человек, который считает, что у людей нет чувств.

Тишина упала мгновенно.

Артём медленно повернулся к ней полностью.

— Я считаю, — сказал он ровно, — что чувства не должны мешать работе.

Она улыбнулась.

— Тогда вам будет очень тяжело со мной.

— Вы опоздали на встречу совета, — заметил он холодно.

— Я пришла вовремя для интересного момента, — ответила она.

— Здесь всё важно.

— Нет, — сказала она спокойно. — Здесь важно только то, что вы контролируете. Остальное вы игнорируете.

Кто-то из директоров напрягся.

Артём сделал шаг вперёд.

— Вы здесь как специалист по визуальной концепции, — произнёс он. — Не как критик системы.

— Я и не критикую, — мягко сказала Лица. — Я просто вижу, где она треснет.

Пауза.

Он смотрел на неё так, будто пытался вычислить алгоритм, которого не существовало.

— Мы будем работать по утверждённому техническому заданию.

— А если оно убивает проект? — спокойно спросила она.

— Оно его определяет.

Она чуть наклонила голову.

— Тогда у нас разное понимание «живого».

Инвестор вмешался:

— Коллеги, давайте конструктивно. Нам важно синтезировать подходы.

Лица повернулась к нему.

— Синтез — это когда не боятся смешивать несовместимое.

Затем посмотрела на Артёма.

— Но он, кажется, боится.

Его взгляд стал холоднее.

— Я не боюсь.

— Тогда докажите, — сказала она тихо.

И в этом «тихо» было больше вызова, чем в любой крике.

После встречи он вернулся в кабинет молча.

Закрыв дверь.

И только тогда позволил себе выдохнуть.

Не из усталости.

Из раздражения.

— Она не вписывается, — сказал он в пустоту.

Но система, которую он привык контролировать, впервые не дала простого ответа.

Потому что её уже утвердили.

И теперь она была не внешним фактором.

Она была частью проекта.

А значит — частью его жизни на ближайшие месяцы.

Он открыл план строительства.

И впервые увидел не проект.

А проблему, у которой было имя.

Глава 3. Первая встреча

Стройка всегда звучит честнее, чем офис.

Здесь нельзя спрятаться за стеклом, за словами или за идеально выверенной интонацией.

Здесь всё либо держится, либо падает.

Артём Воронов стоял в каске и смотрел на будущий элитный жилой комплекс так, будто он уже обязан существовать без права на ошибку.

Артём Воронов не любил «почти».

Почти готово. Почти идеально. Почти в срок.

«Почти» — это всегда провал, просто отложенный.

— Визуализация секции В готова? — спросил он у прораба.

— Почти, — ответил тот и сразу пожалел.

Артём даже не посмотрел на него.

— Не говорите мне «почти».

Тишина.

Рабочие рядом ускорились без команды.

Через десять минут приехала она.

Не машина. Не сопровождение. Не эффектная пауза.

Просто человек.

И это почему-то выбивалось из общего ритма объекта сильнее, чем любой строительный шум.

Лица Морозова вышла из такси, оглядела стройку и слегка прищурилась.

— Выглядит как обещание, которое слишком долго не выполняют, — сказала она вслух.

— Вы опоздали, — прозвучало рядом.

Она даже не вздрогнула.

— Я приехала вовремя для понимания, что здесь всё слишком серьёзно.

Он повернулся к ней полностью.

Каска. Строгая куртка. Ровная осанка.

И взгляд, в котором не было ни одной лишней эмоции.

— Здесь не место для понимания, — сказал он. — Здесь место для исполнения.

Лица посмотрела на него так, будто он сказал что-то на давно забытом языке.

— Интересно, — протянула она. — А вы всегда путаете «исполнение» с «жизнью»?

Он сделал шаг ближе.

Не угрожающе.

Просто сокращая дистанцию до рабочей.

— Вы будете работать с объектом по утверждённой архитектуре, — произнёс он. — Не менять структуру. Не вмешиваться в конструктив.

— То есть... я здесь как украшение? — спокойно уточнила она.

— Вы здесь как специалист по визуальной среде.

— Украшение, — повторила она и чуть улыбнулась.

Его раздражение стало почти незаметным внешне.

Но внутри — точным.

— Не искажайте термины.

— Я их не искажаю, — она обошла его и посмотрела на бетонные конструкции. — Я их перевожу на человеческий язык.

— Это объект класса люкс, — сказал он. — Люди покупают здесь статус, безопасность и качество.

Лица подняла голову.

— Люди покупают здесь иллюзию, что их жизнь отличается от других.

Он повернулся к ней резко.

— Это бизнес, а не философия.

— А вот это и проблема, — спокойно ответила она. — Вы строите бизнес, который притворяется жизнью.

Пауза.

Шум стройки вдруг стал громче.

Или это просто так ощущалось.

К ним подошёл архитектор проекта, нервный мужчина с планшетом.

— Артём Сергеевич, мы можем показать ей текущую концепцию интерьеров...

— Ей не нужно «показывать», — перебил Артём.

Лица повернулась к нему.

— О, нужно, — сказала она мягко. — Я люблю, когда люди показывают мне, во что они верят.

Архитектор замаялся и открыл планшет.

На экране — стерильные, дорогие, идеально выверенные пространства.

Белый мрамор. Геометрия. Симметрия.

Без ошибок.

И без характера.

Лица смотрела долго.

Слишком долго для человека, который должен «быстро оценить».

— Это красиво, — сказала она наконец.

Артём чуть расслабился.

И это была ошибка.

— Но... — продолжила она.

И всё снова стало напряжённым.

— Но это не дом, — сказала Лика.

Архитектор моргнул.

— Это элитная резиденция...

— Это гостиница для людей, которые устали от собственной жизни, — спокойно перебила она.

Артём сделал шаг вперёд.

— Вы здесь не для оценочных суждений.

Она повернулась к нему.

— А вы здесь для чего? Для запрета чувств?

Тишина.

Рабочие перестали шуметь на секунду, будто почувствовали изменение давления.

— Я здесь для того, чтобы проект был реализован, — сказал он ровно.

— А я здесь, чтобы он не был пустым, — ответила она.

И впервые их взгляды столкнулись не как «заказчик и подрядчик».

А как две системы, которые не признают друг друга.

Он приблизился ещё на шаг.

Теперь между ними было слишком мало пространства для дипломатии.

— Вы будете следовать техническому заданию, — сказал он тихо.

— А если оно не работает? — так же тихо спросила она.

— Оно утверждено.

— Это не ответ.

Он чуть наклонил голову.

— Это единственный ответ, который имеет значение.

Лика посмотрела на него долго.

И вдруг улыбнулась.

Не мягко.

А так, как улыбаются перед тем, как сделать что-то необратимое.

— Тогда у вас будет очень интересный проект, — сказала она.

— Это не комплимент, — ответил он.

— Нет, — согласилась она. — Это предупреждение.

Она развернулась и пошла вдоль стройки, не спрашивая разрешения.

Артём остался на месте.

Смотрел ей вслед.

И впервые в его системе координат появилось слово, которое не поддавалось контролю.

«Непредсказуемость».

Прораб осторожно кашлянул рядом.

— Артём Сергеевич... она правда будет работать у нас?

Он не ответил сразу.

Потому что правильный ответ ему самому не нравился.

— Да, — сказал он наконец.

Пауза.

И добавил тише:

— К сожалению.

А где-то между бетонными колоннами Лика остановилась, посмотрела вверх на будущие этажи и тихо сказала сама себе:

— Посмотрим, сколько у тебя выдержки, «идеальный проект».

И стройка впервые за долгое время не показалась ей мёртвой.

Она показалась вызовом.

Глава 4. Разные миры

Они работали в одном проекте, но будто в разных измерениях.

У него всё было разложено по уровням доступа, срокам и регламентам.

У неё — по ощущениям, импульсам и странной уверенности, что «так будет живо».

И каждый раз, когда эти системы пересекались, возникало напряжение — не громкое, а точное, как натянутая струна.

В офисе на верхнем этаже снова шло совещание.

Артём Воронов стоял у экрана и говорил так, будто каждое слово уже прошло внутреннюю проверку на полезность.

— Мы не можем менять конструктив ради визуальных решений, — сказал он. — Любое вмешательство увеличивает риск и бюджет.

Он повернулся к экрану.

Чертежи, таблицы, расчёты.

И всё было правильно.

Слишком правильно.

Лика Морозова сидела сбоку от стола и смотрела на него так, будто он объяснял ей не проект, а устройство закрытого мира.

— Вы всегда так говорите? — спросила она.

Артём не сразу посмотрел на неё.

— Как именно?

— Как будто риск — это болезнь, а не часть жизни.

Пара людей за столом переглянулись.

Он слегка прищурился.

— Риск — это отклонение от управляемой модели.

— Нет, — спокойно сказала она. — Риск — это место, где появляется что-то настоящее.

Тишина.

Артём закрыл папку.

— Мы не строим «настоящее». Мы строим безопасное.

— Тогда почему оно такое пустое? — спросила Лика.

Он посмотрел на неё прямо.

— Вы снова оцениваете проект.

— Я чувствую его, — поправила она.

- Это не критерий.
— Для вас — нет, — согласилась она. — Для людей — да.

После совещания он вышел первым.
Не потому что избегал.
Потому что всегда двигался быстрее, чем разговоры.
Но через минуту она догнала его в коридоре.
— Вы всегда так закрываете темы? — спросила Лика.
— Я их завершаю.
— Это не одно и то же.
Он остановился.
Медленно повернулся.
— У вас есть привычка спорить с решениями, которые уже приняты.
— У вас есть привычка не замечать, что принятые решения могут быть ошибкой.
Пауза.
И в этой паузе было больше конфликта, чем в любом совещании.

- Вы не понимаете структуру проекта, — сказал он холодно.
— А вы не понимаете людей, для которых он строится, — ответила она.
Он чуть наклонил голову.
— Люди хотят стабильности.
— Люди хотят чувствовать, что они живут, а не просто функционируют.

Он прошёл мимо неё.
Но на секунду замедлился.
— Вы слишком уверены в своих интерпретациях, — бросил он.
— А вы слишком уверены в своих границах, — ответила она, не оборачиваясь.

Позже он увидел её уже на объекте.
Стройка гудела, как живой организм.
Лика стояла среди бетона и металла и что-то рисовала прямо на планшете — быстро, резко, без колебаний.
Инженер рядом пытался понять её схему.
— Это что? — осторожно спросил он.
— Это ощущение пространства, — сказала она.
— Но здесь нет...
— Пока нет, — перебила она.

Артём подошёл незаметно.
Он всегда так делал — появлялся в точке контроля без лишнего шума.
— Вы не согласовывали изменения, — сказал он.
Лика даже не вздрогнула.
— Я не меняю конструкцию.
— Тогда что вы делаете?

Она повернула экран к нему.
На нём — световые линии, маршруты движения людей, акценты пространства.
Но не как чертёж.
Как опыт.

— Я показываю, как люди будут здесь жить, — сказала она.

Он посмотрел несколько секунд.

Слишком долго для человека, который «не задерживается».

— Это не входит в утверждённую концепцию, — сказал он.

— Ваша концепция — это коробка, — спокойно ответила Лика. — Я добавляю в неё жизнь.

Он отступил на полшага.

— Жизнь нельзя спроектировать.

— Тогда зачем вы строите жильё? — спросила она.

И он не ответил сразу.

Вечером он вернулся в офис позже обычного.

Свет в здании был почти полностью выключен.

Только его кабинет и один этаж ниже — где всё ещё работала команда Лики.

Он остановился у стеклянной перегородки.

И увидел её.

Она стояла у стола, спорила с архитектором, жестикулировала, показывала что-то на экране.

Живая.

Слишком живая для этого здания.

И это снова выбивалось из его привычной системы.

— Она не останавливается, — сказал рядом голос ассистентки.

— Должна, — ответил он.

— Но не останавливается.

Он молчал.

Потому что это было правдой.

Позже, когда все ушли, он вошёл в её рабочую зону.

Она подняла взгляд.

— Вы пришли проверить контроль? — спросила Лика.

— Проверить результат.

— Результат ещё не существует.

Он посмотрел на её чертежи.

— Вы работаете так, будто правила не важны.

— А вы так, будто кроме правил ничего нет.

Пауза.

Он шагнул ближе к столу.

— Мы из разных систем, — сказал он.
Ли́ка чуть улыбнулась.
— Да, — согласилась она. — Вы — про удержание. Я — про изменение.
Он посмотрел на неё долго.
— И это проблема.
— Или возможность, — тихо сказала она.

И впервые он не ответил сразу.
Потому что не был уверен, что из этих двух вариантов опаснее.

Глава 5. Определение правил

На следующий день в переговорной было необычно тихо.
Не потому что людей стало меньше — наоборот.

Просто напряжение между двумя конкретными людьми заполняло всё пространство так плотно, что остальное теряло голос.
На столе лежал проектный план.

Рядом — планшет с визуальными концепциями.

И между ними — пропасть.
Артём Воронов стоял у окна, не садясь.

Он всегда так делал, когда разговор должен был остаться деловым.
Ли́ка Морозова сидела наоборот — удобно, свободно, будто правила помещения к ней не относились.

— Нам нужно согласовать границы, — сказал он наконец.
Ли́ка подняла взгляд.
— Границы чего?
— Работы. Влияния. Решений.
Она чуть наклонила голову.
— Звучит как переговоры о перемирии.
— Это и есть перемирие, — сухо ответил он.

Он положил на стол лист с пометками.
— Первое. Вы не изменяете конструктив.
Ли́ка даже не спорила сразу.
— Логично.
Он посмотрел на неё с лёгким подозрением.
— Второе. Все визуальные решения согласуются через архитектурный отдел.
— Уже сложнее, — заметила она спокойно.
— Третье. Любые нестандартные элементы требуют утверждения инвестора.
Ли́ка откинулась на спинку кресла.
— То есть... я должна вдохновляться с разрешения?
— Вы должны работать в рамках проекта.
— Это не ответ на мой вопрос.
Он перевёл взгляд на неё.
— Это единственно возможный процесс.

Пауза.

Она постучала пальцем по столу.

— А теперь мои правила.

Он слегка напрягся.

— У вас нет полномочий устанавливать правила.

— У меня есть результат, который вы хотите получить, — спокойно ответила она.

И это была правда, которая ему не нравилась.

Лица встала и подошла к столу.

Теперь они стояли ближе, чем на любой предыдущей встрече.

— Первое, — сказала она. — Я не работаю с «нет» без объяснения.

Он не моргнул.

— Объяснения не всегда необходимы.

— Для меня необходимы.

Пауза.

— Второе, — продолжила она. — Если я вижу, что пространство не работает для людей, я говорю об этом сразу.

— Даже если это противоречит утверждённой концепции?

— Особенно тогда.

Он медленно выдохнул.

— Это не переговоры, — сказал он тише.

— Это единственный способ не сделать мёртвый проект, — ответила она.

Он взял ручку, постучал ею по столу.

— Вы понимаете, что в бизнесе решения не принимаются на основе ощущений?

Лица слегка улыбнулась.

— А вы понимаете, что люди живут именно ощущениями?

Тишина стала плотнее.

Он сел наконец.

Не потому что согласился.

А потому что разговор перестал быть вертикальным.

— Хорошо, — сказал он холодно. — Тогда формализуем.

Лица села напротив.

— Люблю, когда вы пытаетесь сделать живое документом.

— Я пытаюсь сделать его управляемым.

— Это разные вещи.

— Для меня — нет.

Он открыл новый документ на экране.

— Правило четыре, — сказал он. — Все ваши концепции проходят через мой финальный контроль.

Ли́ка кивнула.

— При условии, что вы не блокируете всё, что не укладывается в вашу систему.

Он посмотрел на неё.

— Вы считаете, что я всё блокирую.

— Я пока не видела обратного.

Пауза.

Он слегка наклонился вперёд.

— Вы слишком уверены в своей интуиции.

— А вы слишком уверены в своей правоте.

Он закрыл документ.

— Тогда введём ещё одно правило.

Ли́ка прищурилась.

— Интересно.

— Личные оценки запрещены.

Она усмехнулась.

— Вы уже проиграли.

— Почему?

— Потому что вы только что оценили меня.

Он не ответил сразу.

И это было редкостью.

Через несколько секунд он сказал:

— Мы не должны выходить за рамки проекта.

Ли́ка посмотрела на него внимательно.

— Мы уже вышли.

Пауза.

И в этой паузе было что-то новое.

Не спор.

Не конфликт.

А осознание.

— Тогда закрепим рамки, — сказал он ровно.

— Давайте, — согласилась она.

Он начал писать:

«Регламент взаимодействия...»

И впервые за долгое время почувствовал, что документ, который он создаёт, не упрощает ситуацию.

А усложняет её.

Ли́ка наблюдала за ним.

— Знаете, что самое смешное? — сказала она вдруг.

Он не поднял глаз.

— Что?

— Вы пытаетесь контролировать меня так же, как контролируете проекты.

Он остановился на секунду.

— Это и есть работа.

— Нет, — тихо сказала она. — Это страх хаоса.

Он медленно повернулся к ней.

Взгляд стал холоднее.

— У меня нет страха.

Ли́ка выдержала паузу.

— Тогда у вас нет причин так сильно держаться за контроль.

Тишина.

Он закрыл ноутбук.

— Встреча окончена.

Ли́ка не двинулась сразу.

— Вы всегда так уходите, когда разговор становится неудобным?

Он посмотрел на неё.

— Я ухожу, когда он становится бесполезным.

— Или когда он становится слишком точным?

Он вышел первым.

Как всегда.

Но впервые за всё время не был уверен, что именно он завершил этот разговор.

И завершил ли вообще.

Глава 6. Первые конфликты

Проект начал жить своей настоящей жизнью не тогда, когда его утвердили.

А тогда, когда начались ошибки.

Именно ошибки показывают, кто на самом деле держит систему — и держит ли её вообще.

Утро началось резко.

Без плавного входа, без привычного контроля.

Артём Воронов увидел отчёт ещё до того, как вошёл в переговорную.

И уже по первому абзацу понял — день будет плохим.
— Кто утвердил изменение освещения в атриуме? — спросил он, входя.
Голос был спокойный.
Но в нём не было вопроса. Только факт надвигающегося разбора.
В комнате замолчали.
Архитектор переглянулся с инженером.
— Это... визуальная команда, — осторожно сказал он.
Артём медленно положил папку на стол.
— У нас нет «визуальной команды», которая принимает технические решения.

Дверь открылась.
Не резко. Не демонстративно.
Просто так, будто она всегда имела право входить.
Лица Морозова посмотрела на лица в комнате и сразу почувствовала атмосферу.
— Уже утро с претензиями? — спокойно спросила она.
Артём повернулся к ней.
— Вы изменили освещение без согласования.
Она моргнула.
— Я адаптировала свет под пространство.
— Без согласования, — повторил он.
Пауза.

Лица прошла к экрану.
На нём — проект атриума.
Теперь свет был мягче. Теплее. Менее «галерейный».
— Было слишком холодно, — сказала она.
— Было по стандарту, — ответил он.
Она повернулась к нему.
— Стандарт делает людей одинаковыми.
— Стандарт делает проект безопасным.

Он подошёл ближе.
Теперь разговор перестал быть формальным.
— Вы не можете менять инженерные решения по своему ощущению, — сказал он.
— А вы не можете строить пространство, которое никто не захочет чувствовать, — ответила она.

Пауза.
И в этой паузе кто-то в комнате отступил на шаг назад.

— Мы обсуждали правила, — холодно сказал Артём.
— Да, — кивнула Лица. — И вы их используете как стены, а не как границы.
— Это не одно и то же.
— Для вас — нет.

Он повернулся к архитектору.

— Откатить изменения.

Лица резко развернулась.

— Нет.

Тишина стала плотной.

Артём медленно посмотрел на неё.

— Это не обсуждается.

— Это уже сделано, — сказала она. — И это работает.

— Вы не принимаете решения в этом проекте.

— Тогда почему люди уже сегодня утром сказали, что пространство стало живым?

Пауза.

Он не ответил сразу.

И это было хуже любого спора.

— Вы нарушаете процесс, — сказал он наконец.

— Я его исправляю, — ответила она.

Он сделал шаг ближе.

Голос стал тише.

Опаснее.

— Вы не понимаете, как работает такая система.

Лица не отступила.

— А вы не понимаете, что система уже не работает без меня.

В комнате стало настолько тихо, что даже техника казалась громче.

Артём резко закрыл папку.

— Все выйдите, — сказал он.

Никто не двинулся сразу.

— Сейчас.

И только тогда люди начали расходиться.

Они остались вдвоём.

Он посмотрел на неё долго.

— Вы хотите разрушить структуру проекта?

— Нет, — спокойно сказала Лица. — Я хочу, чтобы в ней была жизнь.

— Жизнь не управляется хаотично.
— Тогда вы строите не жизнь, — сказала она тихо. — А продукт.

Он усмехнулся без радости.
— Это и есть продукт.
— Нет, — ответила она. — Это ваша защита.

Пауза.

Он опёрся руками о стол.
Теперь дистанция между ними исчезла почти полностью.
— Вы действуете без согласования, — сказал он.
— А вы действуете без понимания, — ответила она.

Он посмотрел прямо.
— Я понимаю цифры, сроки и последствия.
— А я понимаю людей, которые будут здесь жить.

Эта фраза ударила точнее, чем он ожидал.

Он выпрямился.
— Тогда вы будете работать под моим контролем.
Лица чуть наклонила голову.
— Вы уже пытались.

Пауза.

Он тихо сказал:
— Вы слишком много себе позволяете.
Она ответила так же тихо:
— А вы слишком мало позволяете проекту быть живым.

И впервые между ними возник не просто конфликт.
А трещина.
Настоящая.

Позже, в коридоре, он остановил её.
— Мы не можем так работать, — сказал он.
Лица повернулась.

— Можем. Просто вам это не нравится.

— Вы подрываете управление проектом.

— Я делаю его реальным.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Вы всегда идёте против системы?

— Только если система не работает для людей.

Пауза.

Он сказал тише:

— Вы понимаете, что я могу остановить ваше участие?

Лица улыбнулась.

Но не насмешливо.

А спокойно.

— Вы можете.

Пауза.

— Но тогда вы вернёте проект в то состояние, из-за которого меня сюда и пригласили.

Он молчал.

Потому что это было правдой.

Она развернулась и ушла.

А он остался в коридоре.

И впервые не был уверен, кто из них нарушает систему.

А кто — показывает, что она уже трещит.

Глава 7. Маленькая победа

После конфликта всегда наступает странная пауза.

Не тишина — именно пауза, в которой система будто проверяет: сломалась она или ещё держится.

В проекте всё ещё держалось.

Но уже не так уверенно.

Артём Воронов не спал почти всю ночь.

Он не называл это переживанием. Он называл это анализом.

Перепроверка решений. Риски. Последствия. Альтернативные сценарии.

И всё равно каждый сценарий возвращался к одному факту:

в проекте появился фактор, который не укладывался в модель.

Утро началось с новой встречи.

Без лишних людей.

Только он, команда архитекторов — и она.

Ли́ка Морозова выглядела так, будто конфликт вчера вообще не происходил.

Это раздражало.

И одновременно... сбивало систему.

— У нас проблема с центральным холлом, — начал архитектор.

— Не проблема, — спокойно перебила Ли́ка. — Ограничение.

Артём посмотрел на неё.

— Это одно и то же в разных словах.

— Нет, — сказала она. — Проблема — это тупик. Ограничение — это направление.

Он не ответил.

Но отметил это.

— Свет не распределяется равномерно, — продолжил архитектор. — Мы теряем глубину пространства.

— Потому что вы пытаетесь сделать его одинаковым, — сказала Ли́ка.

Артём слегка напрягся.

— У нас нет задачи «неодинаковости».

— У вас нет задачи «ощущения», — ответила она.

Пауза.

И в этот момент она впервые не спорила.

Она предложила.

Ли́ка открыла планшет.

— Смотрите.

Экран развернулся к ним.

На нём — новая схема света.

Но не техническая.

Живая.

Линии не были симметричными. Они будто повторяли движение человека внутри пространства.

— Я предлагаю использовать не статичное освещение, — сказала она. — А сценарное.

Артём прищурился.

— Объясните.

Она провела пальцем по экрану.

— Люди не живут в одинаковом состоянии. Утро, вечер, встречи, одиночество. Пространство должно это отражать.

Архитектор нахмурился.

— Это сложно в реализации.

— Это возможно, — спокойно сказала она.

Артём молчал.

Слишком долго для простого отказа.

— Вы хотите, чтобы освещение менялось в зависимости от сценария жизни жильцов?
— уточнил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.